

ничилась лишь вспомогательными замечаниями этнографического характера, например, упоминанием коллекции А. Этолина, хранящейся в Хельсинки (р. 203, 213–214).

Автор в начальных главах книги считает необходимым осветить вопрос о возможных ранних русских поселениях на Аляске (р. 19), относящихся к XVII в., или даже к XVI в., однако при этом пропущен ряд отечественных изданий, в основном популярного характера, рассказывающих о предполагаемых русских поселениях на Аляске (Тайны веков 1979; Чекуров 1991, 2003; Свердлов 1999). И если эти сюжеты могут представлять интерес в основном для любителей загадок и сенсаций, то сообщение И. Кобелева, в котором, как считают, говорится о русском поселении "на реке Хеуверене" в середине XVIII в. (Русская тихоокеанская... 1979), на наш взгляд, заслуживало внимания хотя бы как предмет дальнейших поисков и исследований. Здесь можно добавить, что первые появления русских казаков и промышленников на Аляске часто связываются и с исчезнувшими в 1648 г. кочами С. Дежнева и Г. Анкудинова, и с пропавшими без вести в Беринговом море судами промышленников 1650-х годов, добывавших моржовые клыки в окрестностях устья р. Анадырь.

Без сомнения, новая книга Лидии Т. Блэк – это прекрасное издание, снабженное картами, цветными иллюстрациями, рисунками из русских, американских, японских и европейских источников, многие из которых ранее не публиковались, – служит прекрасным дополнением к трехтомной "Истории Русской Америки" (История Русской Америки 1997–1999), хорошо знакомой российским читателям. Книга "Русские на Аляске" – бесценный источник и полезное пособие для историков, антропологов и всех тех, кто интересуется самым динамичным периодом русской и американской истории – историей Русской Америки, а также для этнографов, занимающихся историей и культурой народов Восточной Сибири и Северной Америки.

Литература

- Блэк 1997 – Блэк Л. Путь на Новый Валаам: становление русской православной церкви на Аляске // История Русской Америки. 1732–1867. Т. 1. Основание русской Америки / Под ред. Н.Н. Болховитинова. М., 1997. С. 256–277.
- История Русской Америки 1997–1999 – История Русской Америки. 1732–1867 / Под ред. акад. Н.Н. Болховитинова. Т. 1–3. М., 1997–1999.
- Русская тихоокеанская... 1979 – Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979.
- Свердлов 1999 – Свердлов Л.М. Три страницы из истории Русской Америки. М., 1999.
- Тайны веков 1979 – Тайны веков. Вып. 2. М., 1979.
- Чекуров 1991 – Чекуров М.В. Загадочные экспедиции. 2-е изд. М., 1991.
- Чекуров 2003 – Чекуров М.В. Неизвестные страницы истории. М., 2003.

ЭО, 2007 г., № 2

© П.И. Пучков. Рец. на: *Н.Ф. Мокшин, Е.Н. Мокшина. Мордва и вера*. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. 532 с., ил.

В ряду этнорелигиеведческих публикаций рецензируемую книгу следует поставить на особое место. Ее по праву, несмотря на малый тираж (500 экз.), можно считать событием в российском этнографическом сообществе, уникальной работой, открывающей новое направление в сфере отечественных этнорелигиеведческих исследований. Она посвящена не просто изучению тех или иных аспектов эволюции религиозных систем или их компонентов, что само по себе, безусловно, заслуживает внимания, а соотношению этих систем с этносом в це-

---

Павел Иванович Пучков – доктор исторических наук, профессор, советник Института этнологии и антропологии РАН.

лом, причем не только на каком-то отдельном хронологическом этапе, временном фрагменте, а на протяжении всего периода существования этноса.

Такой теоретико-методологический подход дает возможность наиболее полно проследить роль религии в судьбе этноса, динамику ее развития совокупно с ее не только творцом, но и носителем, место веры в менталитете народа, ее как идеологические, так и социально-экономические, духовно-нравственные, этнические и этические функции. Думается, здесь нет необходимости напоминать и тем более доказывать, что изучение последних в советские годы не считалось актуальным, ибо религия как особая форма общественного сознания подвергалась остракизму в целом, в ней не видели никакого позитивного содержания, она объявлялась "пустоцветом" на ниве человеческой культуры, "тормозом" прогресса.

Содержание рецензируемого труда стройно и логично. Он начинается с "Введения", включающего параграфы "Мордва как народ" и "Источники и историография", в которых авторы раскрывают актуальность темы, источниковую базу, вклад их предшественников в ее изучение, указывают, какие разделы являются плодом совместного труда авторов, а какие разработаны в отдельности.

Мордва – один из архогенетических этносов Восточной Европы, история которого, как и его этнонима, насчитывает не менее двух тысячелетий. Обычно считалось, что наиболее раннее свидетельство о данном этнониме (*Mordens*) дошло до нас в сочинении "Getica" византийского историка епископа Иордана (VI в.). Однако это, видимо, не совсем так. Не исключено, что "марды", упоминаемые в "Истории" Геродота (V в. до н.э.), как одно из кочевых "племен персидских", приняли участие в этногенезе мордвы. В пользу этого предположения, как отмечает Н.Ф. Мокшин, свидетельствует не только иранская этимология самого этнонима "мордва" (*marđ* – человек, мужчина, муж, отсюда мордовское мирде – муж, супруг), но и множество иранизмов, имеющих в мордовских языках.

К древнегреческим источникам (Страбон, Птолемей) восходят и первые свидетельства о мордвее-эрзе (арсы, арситы). Чрезвычайно интересно предположение Н.Ф. Мокшина о том, что древнерусское летописное выражение "Русь Пургасова", под которой обычно подразумевалось русское население, подвластное мордовскому (эрзянскому) князю начала XIII в. Пургасу, следует читать как "Эрсь Пургасова" (с. 9–10). Оно дает возможность по-новому осмыслить русско-мордовские взаимоотношения в канун монголо-татарского нашествия.

Дохристианские религиозные верования и обряды мордвы в данной книге классифицируются по объектам одухотворения, каковыми у мордвы выступают животные, растения, лес, земля, вода, ветер, огонь, жилище и хозяйственные постройки, небесные тела и явления, умершие. Что касается идеи верховного бога Шкая (Нишке), то она, как предполагает Н.Ф. Мокшин, возникла у мордвы на той стадии развития, которая в современной этнографической науке получила название вождества, знаменовавшего переход от доклассового общества к классовому.

Особый раздел рецензируемой книги посвящен магическим колдовским обрядам, систематизированным по их целевому предназначению: магия лечебная, предохранительная, вредоносная (порча), любовная (приворот), хозяйственная и др. Н.Ф. Мокшин прав, считая магию не формой, а непременным элементом религии. Он констатирует, что ухудшение медицинского обслуживания в настоящее время привело к заметному оживлению знахарских приемов лечения не только в сельской, но и в городской среде (с. 116).

В главе "Дохристианские религиозные праздники" показано, что отличительной особенностью этносоциальной и этнокультурной жизни мордвы вплоть до начала XX в. было бытование сельской общины и сохранение общинного землевладения, во многом определявшего повседневный уклад мордовского крестьянства, характер не только этносоциальных связей, но и ритуальную сферу его жизнедеятельности. Даже в советское время смена уклада жизни происходила очень замедленно. Если на одном полюсе были колхозные и партийные собрания, то на другом – моления на кладбищах, у святых родников и домашних икон. Общегосударственные, безрелигиозные, советские праздники и обряды так и не смогли вытеснить деревенские, поскольку этносоциальное сознание каждого крестьянского сообщества, каждой де-

ревни как микромира хранило в своей коллективной памяти этнокультурные и этнобытовые модели поведения, созданные и принятые всеми предшествующими поколениями.

В небольшой, но информативно весьма насыщенной главе Н.Ф. Мокшин сравнивает религиозные верования и обряды мордвы с таковыми у других финно-угорских народов Поволжья (марийцев, удмуртов). Он приходит к выводу, что по религиозным верованиям и обрядам наиболее близки к мордве марийцы, при сравнении традиционных верований и обрядов которых речь должна идти не о стадиальной близости, а об общности происхождения, особенно ярко прослеживающейся на ранних ступенях развития верований мордвы и марийцев.

Христианизация мордовского народа была не только длительным, но и сложным, противоречивым процессом, так или иначе сопряженным со структурой другого, исторически гораздо более широкого и многозначного процесса присоединения и последующего развития его в составе Российского государства. Бесспорно, обращение в христианство народов Поволжья стало одной из важных мер царского самодержавия, предпринятой для укрепления власти среди них. Но в представлениях многих православных иерархов миссия воцерковления этим не завершалась. Конечной ее целью должно было стать обрусение данных народов.

Несмотря на то, что самостоятельная будущность мордовской культуры, равно как и культуры других народов Волго-Камья, не рассматривалась властными структурами России, миссионерское просвещение, как показывают Н.Ф. и Е.Н. Мокшины, объективно стимулировало сохранение и изучение культуры мордовского народа, способствовало созданию его письменности, литературных языков, национальной интеллигенции.

С установлением советской власти взаимоотношения государства и религии были кардинально пересмотрены. Из страны, в которой господствующей идеологией была религия, Россия стала превращаться в страну, где таковой провозглашался марксизм-ленинизм, неперменной составной частью которого был атеизм. Атеизация общества была возведена в ранг государственной политики. Быть верующим становилось непрестижно.

Как показывали проведенные авторами исследования, уровень религиозности мордвы, безусловно, постепенно снижался, выростали новые поколения людей, воспитанные на идеях безбожия и атеизма. Молодежь тщательно оберегалась от воздействия религии и церкви. Говоря о характере религиозности, ее специфике у мордвы, авторы отмечают, что верующая часть мордвы продолжала соблюдать не только православные, но и доправославные верования и обряды, равно как и те, что формировались в результате синтеза этих религиозных систем.

С распадом СССР и суверенизацией РФ в сфере ее государственной политики по отношению к религии и церкви произошли серьезные перемены. Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г., признала идеологический и политический плюрализм, гарантировала, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, запретила разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, уравнила религиозные организации перед законом.

В постсоветский период религиозная жизнь мордвы заметно активизировалась, стала более свободной и содержательной, избавившись от пут и препон предшествующей эпохи. В 1991 г. открылась Саранская и Мордовская епархия РПЦ, объединяющая в настоящее время 280 церковных приходов и 14 монастырей (в 1985 г. в Мордовии было всего 19 действующих церквей и ни одного действующего монастыря). В этом же году в Мордовии была открыта Мокшэрзянская протестантская (лютеранская) церковь, ведущая богослужение на мокша-мордовском и эрзя-мордовском языках. В настоящее время она обладает тремя приходами, два из которых находятся в Саранске, один – в г. Ковылкино.

Одной из особенностей современной этноконфессиональной ситуации у мордвы следует считать частичное оживление традиционных дохристианских верований и обрядов, мордовского язычества. Его реанимацией занимаются в основном те же лица, которые задействованы в различных организациях и движениях, сопряженных процессам этнического и ассоциированного с ним конфессионального возрождения. Они демонстративно отреклись от православия и православных имен, стали выступать под языческими именами (Нуянь Видяс,

---

Кшуманцянъ Пиргуж, Маризь Кемаль, Эрюшонъ Вежай и др.) и контактировать с языческими лидерами других народов Поволжья, в том числе Республики Марий Эл, значительная часть коренного населения которой поныне не крещена. Это, конечно, не говорит, вопреки предположениям некоторых авторов, о формировании некоего "межнационального союза" с язычниками из Республики Марий Эл, могущего в перспективе превратиться в определенное духовное ядро единения поволжских народов на основе язычества.